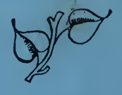
И. АЛТЫНСАРИН

РАССКАЗЫ

ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

РАССКАЗЫ

Перевод с казахского
Н. КАЛЬМЕНЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
АЛМА-АТА — 1971

Каз 1
А 52

В настоящий сборник вошли рассказы Ибрая Алтынсарина, написанные им для детей. В них говорится о смелости и находчивости, о трудолюбии и скромности детей бедняков, о хвастливости и трусости байских детей.

7—6—3
308—71

КИПШАК СЕЙТКУЛ

В то время, когда в обычае была барымта, кипшак[1] Сейткул жил с тридцатью сборными лачугами бедняков. Он задумался над тем, как бы сделать их богатыми, чтобы они могли жить хорошо. Заниматься торговлей не было средств, если же промышлять барымтой и угоном чужого скота, то в один прекрасный день враги тоже могут отобрать награбленное; ибо, как говорят старые люди, голова барымтача должна в конце концов остаться на дороге.

Все это обдумав и взвесив, Сейткул решил прежде всего найти удобное место для стоянки. Объездив много мест, он наконец задумал поселиться в Тургайской степи, в долине речки Кабырги. Он решил, что отсюда далеко расположены Ургенч и Коканд, и к тому же это место находится в стороне от башкир и калмыков; и если случится беда, то они близко будут находиться к кипшакскому роду. Поэтому это место понравилось Сейткулу.

Поразмыслив одну зиму на старом месте, он в теплое летнее время перевез всех своих плохо одетых бедняков к речке Кабырге. У Сейткула был старший брат, много бродяжничавший и занимавшийся воровством и барымтой. Сколько ему ни говорил и ни советовал младший брат, он с тремя-четырьмя владельцами лачуг остался на старом месте в Туркестане.

По прибытии к берегам Кабырги Сейткул взял в руки кетмень и роздал кетмени тридцати беднякам. Они принялись ровнять и подготавливать землю для посе-

[1] **Кипшак** — название рода.

вов. По примеру того, что они видели в Туркестане, вывели воду из речки в арыки и стали поливать посевы.

Когда поспел хлеб, они сжали и собрали урожай. Излишки хлеба обменяли на скот у кочевников, расположившихся неподалеку.

После того как окончательно устроились на новом месте, Сейткул из года в год стал все увеличивать посевы. Возле арыка поставили чигири и стали гнать чигирями воду на посевы (в то время сеяли только пшеницу, ячмень, просо). Продолжая обменивать на скот излишки хлеба, они стали богатыми.

Видя все это, кочевавшая беднота из разных родов стала прибывать к Сейткулу, и через каких-нибудь пять-шесть лет аул Сейткула доходил до четырехсот хозяйств.

В конце концов хозяйства как самого Сейткула, так и собравшихся вокруг него, имели много скота, а Сейткул стал уважаемым в народе человеком. Далее он задумался над тем, как бы сберечь добытое трудом и потом богатство народа от зарившихся на него врагов — воров, степных волков. С этой целью Сейткул собрал народ и, посоветовавшись с ним, построил в удобном месте, на берегу реки, высокую стену из дерна, а к скоту приставил пастухов и вооруженную стражу.

Кочевники, зарившиеся на их скот, узнав, что они представляют собой род, объединившийся и послушный голосу одного человека, не смели нападать на них.

Успокоившись и обезопасив народ с этой стороны, Сейткул посоветовал гнать скот для продажи в Бухару и Коканд и привозить оттуда добротные товары для казахов. Ежегодно ко времени сбора урожая в том огороженном месте он устраивал базар, нечто вроде ярмарки, и кочевое население к этому времени привыкло привозить шерсть, кожевенное сырье, а хлеборобы вывозили для обмена свой хлеб и товары. Таким образом, с одной стороны — от торговли, а с другой — от земледелия, аул Сейткула стал богатым.

Старший брат Сейткула, рассчитывавший разбогатеть воровством и грабежом чужого скота, в окрестностях Конрата был схвачен и убит неизвестно кем. Эмир Туркестана захватил его скот, как принадлежащий вору, а семью ограбил. Семью брата Сейткул разыски-

вал в течение нескольких лет и, говорят, нашел и привез к себе в аул.

Сейткул, по свидетельству уважаемого султана Тилеу Сейдалина, умер около 1830 года.

По совету этого выдающегося человека, приучавшего своих соплеменников к земледелию, много народа проживает до настоящего времени по течению речки Кабырги.

Обедневшие, не находящие работы люди в Тургайской степи становятся хлебопашцами, и если трудятся не ленясь, то через несколько лет становятся по достатку равными другим людям.

КИБИТКА И ДОМ

В 1876 году, когда я занимал должность судьи, ко мне пришли с жалобой, поссорившись друг с другом, два товарища. Один был мишар, а другой — казах. Оба хорошие мастера, занимались они постройкой землянок и деревянных домов казахам. Хорошо зарабатывали.

Причина их ссоры заключалась в следующем.

Мишар как-то сказал:

— Надо будет нам построить себе дом, а то зимой будем мерзнуть.

На это казах возразил:

— Нет, надо будет сделать маленькую походную юрту. Она удобна как для зимы, так и для лета. Если кто-нибудь пригласит нас на работу и мы поедем, то юрту, будь то зимой или летом, можно перевозить с собой.

— Ой, пропади пропадом твоя юрта! Ни днем, ни ночью не согреешься в ней, все тебя будет пробирать мороз,— запальчиво возразил мишар.

— Пропади твой деревянный дом, который нельзя перевозить, — в свою очередь, выражая недовольство, сказал казах.

Так, один, расхваливая кошомную юрту, а другой— деревянный дом, поругались между собой и, наконец, отправились к судье, чтобы тот решил, кто из них прав. С тем и пришли они ко мне.

Оба были мне хорошо известны как люди трудолюбивые и добродушно-наивные.

Узнав в чем дело, я спросил их:

— Сколько вы зарабатываете в месяц?

— Зарабатываем оба сорок-пятьдесят рублей,— ответили они.

— Сколько стоят барак и походная юрта вместе?

— Для двоих достаточно иметь небольшую землянку и небольшую походную юрту, и будут они стоить около тридцати рублей, а сделаем мы их сами, — ответили они.

— А до этого где вы проживали?

— Когда народ выезжал на жайляу, мы нанимали у кого-нибудь на лето юрту за десять-пятнадцать рублей. А зимой жили у кого придется. Если же хотели иметь отдельную квартиру, то за это тоже платили.

Тогда я сказал им:

— Оба вы правы. Юрта удобна при переездах. Когда летом народ выезжает на жайляу, а вы остаетесь на зимовках и переезжаете от одной зимовки к другой, то для ваших переездов удобно иметь небольшую походную юрту. Летом в юрте вы не будете мерзнуть, и воздух в ней лучше, чем в деревянном доме. Поэтому ты, казах, сделай себе небольшую походную юрту. Зимой казахи не делают заказов на постройку домов. В это время вы занимаетесь выполнением разных мелких работ на дому, находясь большую часть дня на дворе. Рабочему человеку, который целыми днями работает на открытом воздухе, необходимо хотя бы ночью находиться в тепле, чтобы быть готовым к работе на следующий день, поэтому ты, мишар, сделай себе землянку. Таким образом, летом вы оба будете проживать в небольшой юрте, а зимой — в землянке. При этом вы не будете платить ежегодно людям за жилье и на эти деньги сделаете себе юрту и землянку. По-моему, так выгоднее.

Каждый из них был убежден, что решение состоялось в его пользу и что он был прав.

Когда они уходили от меня, то один сказал, что он купит походную юрту, а другой — что он сделает себе землянку. Тогда я вернул их и спросил.

— Вы землянку будете делать вместе или каждый сам себе?

На это казах ответил:

— Пусть мишар делает сам свой дом, я же для себя найду походную юрту.

Тогда к раиее сказаиному я добавил:

— Ты, мишар, когда наступит лето, будешь жить у этого казаха в юрте, поэтому половину стоимости юрты ты ему уплатишь. А ты, казах, когда иаступит зима, будешь жить у этого мишара в теплой землянке, поэтому землянку делай вместе с ним.

Оба, каждый считая, что он был прав, ушли, еще раз поблагодарив меня.

СПОР ЖИВОТНЫХ

Верблюд, лошадь, корова, баран, собака, петух, курица, мышь и другие животные однажды заспорили, с с чьего имени люди должны начинать счет годам [1].

— Если человек садится на меня и едет, то далекое расстояние делается близким,— говорила лошадь.— Человек пользуется моей силой, пьет мое молоко, даже из моих волос арканы делает. Нет животного для человека полезнее меня. Счет годам должен иачинаться с моего имени.

— Если ты выполняешь работу для человека, то за это ешь овес, ячмень, сено; и ты за пищу сделалась рабой его,— возразил верблюд.— А вот я поднимаю тяжести, которых ты не в состоянии поднять, и доставляю их на расстояния в несколько месяцев пути. Когда я голоден, я ие требую овса, ячменя, а довольствуюсь тем, что попадается мне на пути: если есть ковыль — ковылем, если есть полынь — полынью. Находится вода — иапьюсь, а если нет воды, то могу долго терпеть жажду. Поэтому счет годам должен иачинаться с моего имени.

— Я пашу человеку землю, он пьет мое молоко, делает из него курт [2], сбивает масло,— говорила корова.

---

[1] Казахи вели счет годам по двеиадцатигодовому циклу. Каждый год носил название домашнего животного, зверя, пресмыкающегося.

[2] Курт — продукт, который приготовляется из кислого молока; его кипятят для удаления сыворотки, а затем образовавшуюся гущу сушат, придавая ей желаемую форму.

— Если бы не было меня, то чем бы покрывал казах свою юрту? Из моей шерсти он делает кошмы, вьет арканы, сучит нитки, из жабаги[1] шьет себе халаты,— говорил баран.

— Если бы не было меня, то многих из вас украли бы воры или задавили бы волки. Всех вас я стерегу, и если покажется враг, то я начинаю громко лаять,— даю хозяину знать о его приближении,— говорила собака.

— Если бы нас не было, то человек не вставал бы рано утром на работу, просыпал бы,— сказала курица.— Петух, проснувшись рано, начинает петь, давая знать, что заря занимается. В полночь он кричит, возвещая, что время ложиться спать, иначе можно проспать и опоздать на работу. Вечером он опять кричит, давая знать, что настало время отдыха.

Мышь некоторое время молчала, не зная, что сказать, и обдумывала, как бы обмануть всех. Затем она предложила собравшимся:

— Из этого спора не будет никакого толку. Давайте подождем начала года, и именем того, кто раньше всех увидит его, пусть будет назван первый год летоисчисления.

Верблюд, полагаясь на свой рост, был твердо уверен, что раньше его никто не сможет увидеть наступление года, и первый одобрил слова мыши. И вот все начали смотреть и ждать начала года.

Между тем мышь тихонько взобралась на верблюда, а затем на верхушку его горба и стала ждать. В результате, она первой увидела наступающий год и оповестила об этом всех. Поэтому ее имя и присвоено первому году летоисчисления.

Вот почему, говорят, и существует поговорка: «Верблюд, полагаясь на свой рост, остался ни с чем».

СЫН БАЯ И СЫН БЕДНЯКА

Асан был сыном бая, а Усен — сыном бедняка. Оба были ровесниками. Однажды аул снялся с кочевья, а про детей, игравших за холмом, забыли; и

[1] **Жабаги** — руно, шерсть весенней стрижки.

они оба остались на месте старого кочевья. Через некоторое время дети решили идти в аул. Смотрят — нет аула, только видно место его стоянки. Асан начал громко плакать, а Усен постоял в раздумье и сказал:

— Оттого, что ты плачешь, ничего не получится. Лучше будем искать откочевавший аул.

— Где мы найдем наш аул, мы же не видели, в какую сторону он откочевал? — ответил Асан.

Усен ничего не ответил и, ведя за собой Асана, пришел на стоянку аула. На стоянке он нашел старую иголку со сломанным ушком и подобрал ее, нашел еще поломанный нож и горсть конских волос — и все это тоже взял. Затем быстро начал осматривать стоянку и, обнаружив следы откочевавшего аула, пошел по ним.

Когда Усен с Асаном немного отошли, следы разделились надвое. Увидев это, Асан начал плакать, говоря: «По каким же из них пойдем?»

Усен, осмотревши оба следа, пошел по одному из них, объясняя Асану:

— Видишь, здесь кочевье сегодня проследовало, так как в этом направлении сохранились остатки свежего скотского помета.

Когда они прошли еще немного, Асан снова начал плакать, говоря, что хочет есть. Усен же продолжал идти молча. Вдруг перед ними поднялась утка и, отлетев недалеко, села. Усен, обшарив то место, откуда она вылетела, нашел шесть яичек. Обрадованный Асан хотел было взять яйца, но Усен запретил ему.

— Если мы, потеряв следы, будем долго плутать, то нам необходима будет пища. Надо будет и утку поймать,— сказал Усен.

— А как же мы сможем ее поймать? — спросил Асан.

— Я видел, как отец ловил уток, — ответил Усен. Он стал плести силки из тех самых конских волос, которые он перед этим нашел на старой стоянке аула, а затем расставил силки в гнезде.

После этого он подозвал к себе Асана, и они залегли за холмом в густой траве.

Прошло немного времени. Утка прилетела обратно и, не заметив присутствия людей, села в гнездо.

Немного подождав, Усен побежал к гнезду.

Утка не могла улететь и лишь махала крыльями. Смотрит Усен — она бьется в силках, запуталась в них.

Асан говорит Усену:

— Понесем ее живую и будем играть с ней.

— Нет, отец говорил, что утки, гуси — чистые птицы; в нужде их можно ловить людям и употреблять в пищу. Однако грех держать их на привязи и мучить. Не будем мучить утку, а лучше зарежем ее, — сказал Усен и обломком ножа, который он нашел на стоянке аула, зарезал утку и взял ее с собой.

После этого они продолжали свой путь. Когда солнце перевалило зенит, Асан и Усен дошли до речки. Здесь, напившись воды, они утолили жажду.

— Теперь надо будет нам сварить пищу,— сказал Усен.

— Огня ведь нет, как же мы сварим себе пищу? — спросил Асан.

Усен промолчал, прошелся по берегу и нашел кусочек твердого камня. Затем он вытащил из маленькой дырки в своем чапане немного ваты, положил ее на камешек, прижал крепко пальцем и стал с силой ударять по камню тупой стороной обломка ножа. Стали вылетать искры, и вата загорелась. Потом он накрошил вокруг ваты немного кизяку и начал дуть, чтобы разгорелся огонь, а Асана послал собирать хворост. После того как хворост был принесен, развели огонь. Сперва сварили яйца. Затем ощипали утку, выпотрошили ее и, насадив на конец палочки, стали жарить. Когда утка изжарилась, наелись досыта.

Асан, наевшись, забыл о своем горе, побежал по берегу речки и вдруг закричал:

— Усен! Усен! Смотри, на мелком месте здесь плавают рыбы.

Усен, не оборачиваясь на возгласы Асана, положил в огонь иголку, которую нашел на стоянке аула. Когда через некоторое время игла, накалившись, стала красной, Усен вытащил ее из огня, начал осторожно гнуть и сделал из нее крючок. Затем, позвав Асана, сказал ему:

— Ты налови кузнечиков.

Сам же он ссучил из волоса леску и смастерил уди-

лище. Когда удочка была готова, Усен насадил на крючок одного из пойманных Асаном кузнечиков и забросил удочку в воду. Вода была чистая, как зеркало, и видно было, как в ней плавали и играли рыбки. Сначала подходили маленькие чебачки. То одна, то другая рыбка, понюхав насадку, отплывала, а затем они вновь подплывали. Вдруг чебачки бросились врассыпную. Это приближалась щука. Щука, не обращая внимания на насадку, медленно проплыла мимо, шевеля хвостом. После того как она удалилась, чебачки вновь стали быстро собираться и играть вокруг насадки, гоняясь друг за дружкой, то задевая насадку, то крутясь около нее. Вдруг чебачки опять рассыпались во все стороны и исчезли. Это появилась стая окуней. Один из них, раньше всех заметивший насадку, подплыл прямо к ней и, сразу схватив ее, проглотил. Усен дернул удочку и выбросил окуня на берег. Таким способом Усен поймал много окуней. Мальчики, увлекшись рыбной ловлей, не заметили, что день клонится к вечеру. Усен посмотрел на солнце и сказал:

— Ого, уже солнце близится к закату. Надо будет засветло найти брод и переправиться.

Сказав это, он собрал пойманную рыбу и завернул ее в чапан. Удочку с удилищем, кремень и нож тоже взял с собой, ничего не оставил. Затем мальчики стали искать брод.

Усен направился прямо к тому месту, где следы, по которым они шли, подходили к воде. И в этом месте мальчики переправились на другой берег.

Когда они прошли некоторое расстояние, солнце закатилось, стало темнеть, и следов не стало видно. С наступлением вечера оба мальчика начали испытывать страх. Все же Усен сказал, что надо будет заночевать, чтобы не потерять следов. Он остановился и, собрав кизяка, развел огонь. Немного погодя Асан, набегавшийся и уставший за день, уснул. Усену пришли на память слова отца: «Где народ, там воры; где степи, там волки бывают». Поэтому он решил не спать и стал печь в огне рыбу, которую наловил днем. Так, занимаясь делом, было легче бодрствовать. В это время он увидел, как пробежало стадо сайгаков, пугливо озиравшееся в сторону костра, а затем, внезапно испугавшись чего-то, исчезло. Через некоторое время подошел табун

куланов с жеребятами-стригунами. Впереди табуна шел, фыркая, жеребец, подняв голову и хвост, а остальные жеребята смотрели с любопытством. Вдруг все кинулись бежать в сторону. Вслед за тем близко завыл волк, а вдали где-то закричала выпь.

Усен, похолодев, продолжал молча сидеть, испуганно озирался и крепко сжимал в руках удилище. Так он увидел много животных, а также насекомых, бабочек, жуков, слетевшихся на огонь, и думал: почему эти мухи и бабочки слетаются на огонь, если они находят здесь смерть? Так раздумывая, он не спал до зари. Когда же на востоке занялась заря, распространяясь по небу, из красного цвета переходя в бледный, Усен начал будить Асана.

— Время уже идти,— тормошил он его.

Асан, забыв, что он находится в поле, продолжал лежать, как будто он был дома и, долго не просыпаясь, что-то мычал сквозь сон. Усен не оставил его в покое, пока не разбудил, и они продолжали путь.

Когда солнце было близко к полудню, следы исчезли, став незаметными на твердой каменистой почве. Мальчики остановились, в нерешительности озираясь по сторонам, не зная, куда идти.

Вдруг на высокой горе они увидели большую могилу. Тут Усену пришли на память слова отца: «Если случится тебе в степи заблудиться, то помни, что где бывают могилы, там должна быть вода, а где есть вода, там живут люди».

Следуя, таким образом, поучениям отца, Усен, ведя Асана, направился в сторону могилы. Когда они подошли ближе к могиле, то услышали, как гогочут гуси. Усен теперь уже знал, что поблизости находится озеро, так как, где нет воды, там не обитают гуси. Они оба поднялись на гору, где находилась могила и увидели под самой горой большое озеро, а в озере и вокруг него много скота. По берегу озера, на зеленом лугу, покрытом высокой травой, паслись стада лошадей и баранов. Часть лошадей, войдя в озеро, срывала молодой зеленый камыш, а с другой стороны озера, на солончаках, лежали верблюды. Увидев все это, дети побежали вниз по скату и, добежав, увидели, что это пасется скот их аула. Пастухи, увидя Асана и Усена, обрадовались и некоторые из них поскакали, чтобы обрадовать родителей и

взять с них суюнши[1]. А другие, посадив детей на коней, повезли их в аул. Дорогой пастухи рассказывали детям, что как только стало известно, что они остались на старой стоянке аула, то поехали искать их.

Солнце только что приблизилось к полудню, когда дети благополучно доехали домой и увидели своих родителей.

НЕВЕЖЕСТВО

А

Детей одного наивного рода обучал невежественный мулла. Мулла был неграмотен, даже не умел читать по-узбекски. Он давал каждому мальчику в руки бумажку с нацарапанными на ней черточками. Урок его был таков:

— За венчание следует лошадь.

— Рождение ребенка — радость, за это следует дорогая вещь.

— За то, что дается имя — следует жирный конь.

— За обрезание — три верблюда.

— За отпущение грехов — пять верблюдов...

Однажды в этот аул прибыл грамотный мулла. Когда он вошел в медресе, невежественный мулла тут же, как бы давая урок, обратился к одному мальчику со следующими словами, адресуя их вошедшему:

— Не следует много говорить, к чему излишняя болтовня. У меня пятнадцать верблюдов и одна лошадь. Из них половина мои, половина твои будут.

Б

Один татарин выбежал в полночь из дому без шапки и, глядя на него, за ним побежали в испуге жена и дети, оставив дом. Он же, опередив всех, забежал к соседу в дом и начал прятаться.

— Что с тобой? — спросил его сосед.

Отдышавшись немного, татарин ответил ему:

---

[1] Суюнши — подарок за радостную, добрую весть.

— Уже давно в моем доме водятся черти, джины. Каждую ночь, как только мы ложимся спать, шайтаны собираются на моей крыше и начинают играть, стучать. Чтобы изгнать их, я несколько раз собирал мулл для прочтения молитв, на что истратил много денег.

Сегодня ночью черти вновь, по своему обыкновению, начали бегать и стучать; я же лежал не смыкая глаз. Вдруг один черт, с треском проломив крышу, прыгнул прямо на меня. Я посторонился и, обойдя его, выбежал. Когда я в испуге выбегал, то рукой задел его рога. Апырай [1], оказывается, и у шайтанов тоже бывают рога.

Сосед был умным человеком и говорит:

— Давай и мы посмотрим на него с фонарем в руках.

И, захватив еще трех-четырех человек, они вошли в дом татарина. Смотрят, крыша из кое-как сплетенного камыша, в середине ее провал. Стали оглядываться и увидели козу. Она лежит себе и жует жвачку.

Постояв немного, они услышали, как на крыше кричат козлята. На их крик коза поднялась и заблеяла. Вслед за тем козлята, спустившись через провал в крыше, присоединились к матери. И тут все увидели, что это коза и козлята хозяина и соседей. По ночам они прибегали есть сено, сложенное на крыше дома, и играли там, а коза, которая находилась в доме, оказывается провалилась через крышу.

В

В один прекрасный летний день два человека совершали прогулку. Когда они проходили мимо дерева, закуковала кукушка. Один и говорит:

— Кукушка — птица вещая. Она увидела меня и предсказывает мне, что я должен получить в скором времени богатство.

— Кукушка не тебе кукует, а мне. Богатство я должен получить,— возразил другой.

— Тебе, собаке, за что богатство? — рассердился первый.

---

[1] Апырай — возглас, выражающий удивление, близкий к русскому «ой-ой».

— Не я собака, а ты собака! — со злостью ответил ему второй.

Так они поссорились, а поссорившись,— подрались.

У обоих лица и носы были в крови. Такими оба пришли к лекарю. А когда он сделал им перевязки, они рассказали ему, с чего у них началась драка.

Тогда лекарь говорит им:

— Эх, дураки же вы! Та кукушка не вам, а мне куковала. Если бы она не куковала, то не было бы у вас драки; а если бы драки не было, я не получил бы с вас за лечение и не заработал бы.

Г

Один мой друг рассказал мне:

В 1875 году, находясь в пути, я остановился в одном ауле. Когда мы разговаривали, пришел мальчик с глазами, опухшими от слез. Он сидел молча, не играл, как другие дети, не ел. Я пожалел его и спросил у людей, сидевших рядом со мной:

— Почему этот мальчик такой заплаканный, не играет и не ест?

Тогда жители аула рассказали мне:

— У этого мальчика вчера рано утром умерла мать. Вскоре после смерти мы отнесли ее на могилу, находящуюся поблизости на горе, и похоронили рядом с другими. Когда вечером ребята, которые ходили за телятами, подошли к могилам, то услышали, что из могилы этой похороненной женщины будто раздается невнятный голос. Ребята оставили телят и, прибежав в аул, рассказали об этом. Мы, взрослые, тоже подошли на близкое расстояние к могиле и ясно услышали раздающийся из могилы стон. Мы поспешили удалиться и, чтобы уйти подальше от греха, всем аулом перекочевали сегодня на это место.

Этот двенадцатилетний мальчик — сын той женщины. «Мать моя лежит живая, разройте и вытащите ее!» — плача просил он всех людей, но никто из нас не только не подходил к могиле, но и самого мальчика мы стережем и не пускаем туда.

Тут мальчик начал плакать и обратился ко мне:

— Правда, дядя, моя мать жива! Дядя, только вы один можете оказать милость...

Внимательно приглядевшись к мальчику, я заметил, что у него очень смышленый вид; и меня удивило то, что сколько бы старшие его ни убеждали, он настаивал на своем и был убежден в том, что мать его похоронена заживо. Я подозвал его, посадил к себе на колени и сказал ему:

— Жива или не жива, милый мой, твоя мать, а я пойду посмотрю на нее.

Сидящие вскочили в испуге.

— Ой, мурза, не делайте этого. Слыханное ли дело, чтобы ворошить могилу, думая, что мертвый может снова ожить. Из-за женщины, которая несет наказание за свои грехи, вы в загробном мире можете сами пострадать,— говорили они мне.

Я же предложил мальчику пойти домой, одеться и придти обратно, а присутствующим сказал:

— Правда, умерший человек, вновь не оживает. Однако вы женщину, лежащую в обмороке, посчитали мертвой и похоронили, а услышав ее голос, взывающий о помощи, не откопали ее из могилы. Тем самым вы приняли на душу большой грех, ибо нигде в коране не упоминается о том, чтобы живые люди слышали из могилы крики страдания умершего человека.

Мальчик быстро вернулся обратно. Взяв в ауле кетмени, лопаты, со своими спутниками и мальчиком я направился к могиле. Из перепуганных жителей аула с нами никто не поехал.

Дойдя до могилы, мы начали прислушиваться, но сколько ни прикладывали ухо к земле, никакого звука уловить не могли. Тогда мы могилу разрыли. Двое из нас спустились туда и увидели, что у несчастной женщины руки и лицо в крови и царапинах, одежда на ней вся изорвана, а тело ее еще было теплое.

Женщину вынули из могилы и, установив над ней шатер, ухаживали за ней целый день. В момент, когда ее вынули, мне показалось, что в ней еще чуть теплится жизнь; однако к вечеру того же дня она стала остывать и уже в самом деле умерла.

Такие случаи, полагаю, имели место и у других народов. Опытные врачи говорят, что бывают такие

болезни, при которых больные могут оставаться живыми, но без сознания. Поэтому не следует очень спешить[1] хоронить умершего, необходимо подождать и понаблюдать, прежде чем закапывать его.

ЖИРЕНШЕ ШЕШЕН

Жиренше Шешен[1], будучи однажды в дороге и близко подъехав к одному аулу, остановился, так как между ним и аулом протекала речка. Когда он, не зная броду, стоял в недоумении, со стороны аула к речке подошла какая-то девушка за водой.

Жиренше, напрягая голос, спросил ее:

— Где находится брод через эту речку?

Девушка ответила:

— Там, в той стороне, находится брод. Хотя до него и далеко, но он самый близкий. Другой брод, хотя он и самый близкий, но до него далеко.

Не поняв значения этих слов, Жиренше поехал к тому броду, который находился ближе к нему, и стал переправляться через речку, но только доехал до средины речки, как лошадь его увязла в грязи, упала, вся одежда его выпачкалась в грязи, и он еле-еле выбрался обратно. После этого он поехал к дальнему броду, о котором девушка говорила, что до него хотя и далеко, но он самый близкий. Здесь он легко переправился на другую сторону и приехал в юрту той девушки.

После того, как Жиренше уселся в юрте, он посмотрел на девушку и говорит:

— Милая, еду издалека, есть хочется. Дай мне поесть, что у тебя имеется из еды повкуснее.

Девушка ответила:

— Есть одна еда горькая, хотя она и горькая, но вкусная. Есть другая — пресная, хотя пресная, но горькая.

---

[1] Казахи хоронили покойников нередко через несколько часов после смерти.

[1] Шешен — красноречивый.

Жиренше говорит:

— Неси ту еду, которая хотя и горькая, но вкусная. Девушка вышла, принесла из шанаша [1] в маленькой чашке соль и поставила перед Жиренше. Жиренше посмотрел и спросил:

— Милая, как же я могу есть только соль?

Тогда девушка молча принесла и поставила перед ним чашку коже [2], ничем не заправленную, даже не посоленную.

Тогда Жиренше задумался. А так как он был догадливым, умным человеком, то понял все, что говорила ему девушка. Ему стало стыдно, что он, не дожидаясь угощения со стороны хозяйки дома, стал просить дать ему, что у ней есть повкуснее. Из всего, что девушка говорила и делала, Жиренше понял, что она девушка умная, серьезная. И Жиренше, говорят, посватался и женился на ней.

Девушку звали Карашаш Прекрасная. Так как она считалась самой красивой и умной женщиной, хан, который правил в то время, возненавидел Жиренше.

Однажды хану захотелось гусятины, и его повара подали ему жареного гуся. Жиренше сидел рядом с ханом, и хан ему приказал:

— Ты подели этого гуся между мной, женой, двумя детьми и собой так, чтобы никому из нас не досталось ни больше, ни меньше. Если одному из нас достанется на один золотник больше или меньше, то я тебя крепко накажу.

Жиренше взял нож, отрезал сперва у гуся голову, подал ее хану и сказал:

— Господин, вы нам всем голова, поэтому вот вам голова. Во-вторых, хан без ханым не бывает, ханым же без хана не бывает, а птица без шеи не бывает; вы — шея хану, поэтому шея — ваша,— продолжал он и, отрезав, положил шею гуся перед ханым.

— Эти двое ребят — ваши дети, ваши крылья. Вот им крылья,— и, отрезав два крылышка, Жиренше положил их перед детьми хана.

— Я сам, господин, ни голова, ни нога, так себе — средний человек, поэтому вся средняя часть этой пти-

---

[1] Шанаш — посуда из кожи в виде мешочка.

[2] Коже — похлебка из крупы пшеницы, ячменя или проса.

цы подходит мне,— сказал напоследок Жиренше и всю остальную часть гуся положил перед собой.

Через некоторое время хан, находясь на охоте и увидев катящееся перекати-поле, приказал Жиренше:

— Поезжай и спроси у перекати-поля, где оно думает остановиться и когда вновь думает кочевать и снова остановиться. Если его ответ не сообщишь мне правильно, то прикажу страже бить тебя.

Жиренше ударил коня, пустил его вскачь и, проткнув пикой перекати-поле, остановил его. Немного постоял, вернулся к хану и говорит:

— Господин, по вашему приказанию я спросил у перекати-поля, и оно мне ответило: «Не знаю, кто из вас глупец, то ли хан, который послал тебя спросить, то ли ты, который приехал спросить. Начало моей кочевки знает ветер, место моей стоянки знает овраг».

Так, продолжая мучить Жиренше и не в состоянии поймать его в расставленные сети, хан все больше сердился на него и искал подходящего повода, чтобы убить его, а жену взять себе. Жиренше же, догадываясь о коварных мыслях хана, запечалился. Однажды Карашаш Прекрасная спросила мужа:

— О чем ты горюешь?

Жиренше рассказал ей все. Тогда Карашаш говорит:

— Друг мой, не горюй, что-нибудь придумаем. Через два дня пригласи хана и биев в гости.

Жиренше, хотя и заслужил прозвище непревзойденного оратора в мире, но был, говорят, очень беден. Относительно его бедности до сего времени существует такое предание: он, после того как находился целый день в прекрасном дворце хана и сидел на мягкой постели, вечером возвращался в свою темную, тесную лачугу и, расположившись на жесткой шкуре, имел обыкновение говорить:

— Ох, хорошо в моем доме, в просторном моем дворце — белой юрте.

Услышав же теперь слова жены, Жиренше сказал ей:

Хотим пригласить хана и его свиту, а куда мы их посадим и чем будем угощать?

На это Карашаш ответила ему:

— Предоставь это дело мне.

Через два дня Жиренше пригласил в гости хана и его свиту. Как хан, так и его стража ехали и гадали: чем же будет угощать их Жиренше? Когда гости, сколько их могло поместиться, вошли и расселись в лачуге, а те, кому не хватило места, расположились на дворе, под открытым небом, на кошме, Карашаш Прекрасная, поднявшись с места, принесла в чашке немного молока и сметаны и поставила перед ханом.

Хан взял сметану на кончик мизинца и положил в рот. Сметана ему показалась такой вкусной, будто он в своей жизни не ел такого вкусного кушанья. И когда с кончика мизинца он покушал еще один-два раза, то даже почувствовал сытость. Остатки сметаны он передал своим людям. И все находившиеся в лачуге, интересуясь, что же это за кушанье, понемногу попробовали его на вкус.

Собираясь уезжать, хан спросил Карашаш Прекрасную:

— Красавица, что за кушанье вы подали нам? Мы не ели до сих пор такой вкусной пищи. Научите нас, чтобы и мы приказали своим поварам готовить часто такое кушанье.

Тогда Карашаш ответила:

— Господин, вы знаете, что мы бедны, и когда мой муж решил пригласить вас в гости с вашими почетными людьми, то я задумалась, каким кушаньем мне следовало бы угостить гостей. Наконец я пришла к мысли, что самое питательное в мире должно быть человечье молоко, ибо ребенок до пяти — шести лет может жить материнским молоком. Поэтому я, выдоив свое молоко, сделала эту сметану.

Хан, воскликнув «ох!», быстро поднялся и вышел.

Известно, что как в давние времена, так и в настоящее время, если кто питался молоком женщины, то эта женщина становилась как бы его матерью и на ней ему нельзя было жениться.

Через несколько дней хан пригласил Жиренше к себе, попросил прощения за несправедливое отношение и подарил ему много скота.

КАРАКЫЛЫШ

Сказка

Некогда жили пять родных братьев. Все пятеро посеяли полдесятины хлеба. Когда урожай начал поспевать, братья заметили, что ночью кто-то приходит и травит хлеб.

После этого они стали караулить свой посев. Первым караулил старший брат, но он никого не видел. Так все четыре старших брата караулили четыре ночи. На пятую стал караулить самый младший из братьев. Звали его Каракылыш.

В ту ночь, когда охранял Каракылыш, с неба слетела вороная кобыла и начала было есть хлеб. Каракылыш поймал ее. Тогда вороная кобыла и говорит:

— Эй, мальчик, отпусти меня. У меня есть пять жеребят, я отдам их всех — по одному каждому из вас.

Каракылыш отпустил ее. Вслед за тем вороная кобыла привела пять жеребят и самого маленького отдала Каракылышу, а других четырех — четырем остальным братьям.

И вот, когда братья бывало начнут скачку, то Каракылыш обгонял всех на своем жеребенке.

Однажды Каракылыш увидел, что из земли тонкой струйкой идет дым, и подъехал туда. Смотрит — стоит избушка, принадлежавшая Старухе-Ненасытной [1]. А у этой старухи было пять дочерей. Комнаты у девиц для отдыха, игр, для приема пищи были отдельные.

Каракылыш проник в комнату девушек для игр и лег под ковер.

Как только девицы стали входить в комнату, он поднял ковер. Девицы закричали с испугу и побежали к матери. Мать поругала их, велела идти обратно. Когда девицы вернулись, сели и начали играть, Каракылыш поймал их всех. Четырех взял подмышки, а пятую посадил за спину, сел на свою лошадь и пустился было вскачь, но старуха заплакала и говорит:

---

[1] Старуха-Ненасытная — персонаж казахских сказок. Соответствует Бабе-Яге русских сказок.

— Дочерей моих я завтра провожу с тобой, а сегодня ты заночуй у нас.

Каракылыш вернул дочерей старухе, а сам остался ночевать.

Наступил вечер. Она постелила постель и попросила Каракылыша ложиться спать. Каракылыш перед сном вышел на двор и видит, что конь его плачет — из одного глаза бежит слеза, а из другого — кровь. И говорит ему конь:

— Ты сегодня не спи. Если уснешь, тебя старуха убьет. Она отковывает себе железные зубы.

Каракалыш, вернувшись в комнату, лег, но не уснул. Старуха заглянула в дверь и сказала:

— Спи, милый! — и ушла.

Через некоторое время она опять пришла. Пока она так ходила, занялась заря. Утром старуха дала большое приданое и, провожая своих дочерей, сказала:

— Недалеко по пути есть три перевала. На двух перевалах не останавливайтесь на ночлег, а на третьем — заночуйте.

Наступил вечер. Четыре старших брата находились в эту ночь на среднем перевале, а Каракылыш один заночевал на третьем перевале.

Поднявшись утром, Каракылыш услышал, что его четыре брата плачут и кто-то говорит им:

— Если приведете ко мне Каракылыша, я отпущу вас.

Услышав такие слова, Каракылыш подъехал и увидел айдахара[1]. Айдахар отпустил всех четырех братьев, а Каракылышу говорит:

— Привези мне бессмертную дочь Бермес-хана[2].

Каракылыш согласился и поехал. Ехал он, ехал и увидел человека, который соединяет одну гору с другой, а потом разъединяет их. Каракылыш спросил его:

— Что ты тут делаешь?

Человек сказал в ответ:

— Хочу быть товарищем Каракылышу.

И они вместе поехали дальше. Встретился им по пути еще один человек, который забирал ртом воду из

---

[1] Айдахар — сказочный дракон. Втягивая в себя воздух, он мог проглотить животное или человека.

[2] Бермес-хан — хан-скупец.

озера и переливал ее в другое озеро. Его они тоже взяли к себе в товарищи. Дальше им повстречались стрелок и бегун. Бегун бегал так быстро и был так проворен, что успевал у двух рядом сидящих сорок у одной отрезать хвост и прикрепить его к хвосту другой.

Вот они поехали на одном коне. Едут и видят — стоят две горы. Из-под одной горы течет кровь, а из-под другой — гной, а под горами расположен был аул.

Каракылыш пришел в аул к хану и говорит:

— Я приехал, чтобы взять твою дочь.

А хан ему в ответ:

— Условия тебе поставлю. Если все выполнишь, то отдам дочь, а не выполнишь — убью.

Сперва решили устроить байгу и пустили коней. Конь Каракылыша прискакал первым. После этого хан решил устроить пешие бега. Каракылыш пустил своего товарища — бегуна, а хан — одну старуху. Старуха взяла с собой ведро медового напитка.

Перед началом бега старуха напоила бегуна медом допьяна, а когда он уснул, побежала одна. Слухач, приложив ухо к земле, сказал: «Только один человек бежит». Тогда Каракылыш крикнул стрелку: «Стреляй!». Стрелок, прицелившись, выстрелил и попал в ведро, которое находилось у изголовья бегуна. Бегун, проснувшись от дребезжания ведра, схватил горсть песку и побежал. Догнав старуху, он крикнул ей: «Бабка!», и когда старуха оглянулась, он бросил ей песок в глаза, и та с криком остановилась. Так бегун пришел первым. Затем хан запер Каракылыша с товарищами в железный дом и, разложив вокруг горящие угли, начал раздувать их мехами. На этот раз человек, который мог забирать воду целого озера в рот, стал брызгать водой.

После этого хан проводил с ними свою дочь.

Дорогой товарищи Каракылыша остались каждый на своем прежнем месте. Когда в награду Каракылыш давал им одежду, они не взяли.

Девушку Каракылыш доставил айдахару, а сам ехал, ехал и доехал до своих братьев.

КАРА-БАТЫР

Легенда

Когда отважный герой Кара-батыр был еще мальчиком, его захватили при набеге на аул разбойники и заставили пасти овец. Он ходил в отрепьях, голодный, и питался лишь молоком овец, которых выдаивал в степи.

Однажды, когда мальчик печально сидел в одиночестве, к нему подлетела и села рядом ворона. Мальчик обратился к ней со словами:

— Эй, ворона, птица моя! [1]
Твоя пища — крови струя!
Амулет я с себя сниму —
Долети в мой аул родной.
Там отец мой скован тоской,—
Амулет тот отдай ему!

Ворона каркнула и улетела. Немного погодя прилетела сорока. Мальчик к ней:

— Эй, сорока, птица моя!
Падалью ты живешь одной!
Амулет, что дам тебе я,
Отнеси в мой аул родной!

Сорока прострекотала и улетела. Затем прилетели и сели рядом журавли. А мальчик им:

— Журавли, мои господа!
Длинной шеей славен ваш род.
В мой аул направьте полет,
Амулет снесите туда!

Журавли прокричали «тыррау-тыррау» и тоже улетели. Прилетели гуси. И мальчик просит:

— Эх вы, гуси, гуси-друзья!
К вам спешу с моей мольбой!
Амулет, что отдам вам я,
Отнесите в аул родной!

Гуси, гогоча, улетели. Прилетели лебеди. Мальчик снова:

---

[1] Перевод стихов А. Б. Никольской.

— Лебедей озерных семья!
Господа, вы дородны собой!
Амулет, что отдам вам я,
Отнесите в аул родной!

Обернулись к нему лебеди, подождали немного и также улетели. Через некоторое время прилетела ласточка. А мальчик:

— Ах ты, ласточка, птичка моя!
У врагов я в неволе злой!
Амулет, что дам тебе я,
Отнеси в мой аул родной!

Ласточка поднялась, полетала вокруг, но, наконец пожалев мальчика, вернулась и села к нему на руку.

— Отец, если даже и узнает мой амулет, не будет знать, среди какого народа я живу. Надо на амулете сделать какой-нибудь знак,— подумал мальчик и, взяв ножик, сделал укол в руку и кровью начертил на амулете тамгу[1] туркменов. После этого он привязал амулет на шею ласточке, рассказал ей, какого рода и племени его отец и мать и где они живут, и отпустил.

Ласточка все летела по указанному мальчиком направлению:

Через цепи высоких гор,
Над пучиной темных озер,
Над безлюдьем пустынь и болот.
На неведомый край земли
Ее крылья несли, несли,
А по крыльям струился пот.

Если сверху она замечала опасность, то скрывалась за неровности почвы.

Пролетела через много земель,
Много стран легло позади,
Но конец наступил пути.
Встало солнце в тридцатый раз,
И внизу промелькнул аул,
Тот, что мальчик просил найти.

Достигнув аула, ласточка, перелетая, садилась на верхушку то одной, то другой юрты. Рассматривала людей аула и сколько ни приглядывалась к ним, не могла найти таких, которые были бы похожи на тех, о которых говорил мальчик.

[1] Тамга — родовой знак, метка.

Наконец, усталая, она задремала. И ей послышался жалобный стон старухи. Ласточка стала внимательно прислушиваться. А старуха жалобно пела:

— Ой, днтя, жеребенок мой!
Прядь моих несчастных седин!
У озер камыш молодой —
Мой единственный милый сын!
Где найтн мне твон следы?
Враг ли злобный тебя увлек,
Илн бурный унес поток,
Или дикий зверь уволок?
Еслн жертвы требует рок,
Пусть погибну я, ио не ты!
Год прошел, за ним н другой...
Тяжко жить без сына, одной!

— Ты погоди,— прервал вдруг старуху старик, а сам стал причитать:

— Как былинка, рос одинок,
Мой единственный, мой сынок!
Твой отец обошел весь свет,
Но о сыне весточки нет!
Худ, как тощий бура [1], я стал.
Мои костн, что крепче скал,
Опаляет и рушит жар.
Где ты, мой надежный тулпар?
Иль мой сокол попался в сеть?
Я б теперь одного желал:
Повидав тебя, умереть!

Тут молодая девушка, попросив старика и старуху помолчать, запела:

— На отточенный меч стальной
Походило тело твое,
Брат, рожденный вместе со мной!
Мне казалось, до склона дней
Моя доля будет легка!
У меня одежды — шелка,
А мон табуны коней —
Чистокровные скакуны!
У меня не редеет круг
Молодых веселых подруг,
Верных спутниц моей весны!
Но пропал ты — судьба так зла!
И душа моя замерла,
На лице румянец потух,
Вянет цвет моих вешних дней,

[1] Бура — верблюд. Зимой, в январе и феврале, он делается поджарым.

Не успев раскрыться пышней!
Старики мои, старики!
Слез не лейте, горькой реки!
Я сегодня видела сон,—
Если б счастье принес нам он!
Разгадайте сон, старики!
— Сокол мой, что скрылся давно,
Прилетел обратно ко мне;
Конь пропал у нас в табуне —
Он во сне вернулся ко мне;
Брат мой милый во сне моем
Снова смело вошел в наш дом!
Милость нам кудай [1] подарит!
Только мертвых нам не видать!
Я клянусь, о Баба-Тукты,
Я клянусь, о Азис-Шашты [2]:
Вижу — ласточка к нам летит
От родного весть передать!

Услышав такие слова, ласточка слетела и села перед стариком и старухою. Бедные, рыдая, они сняли амулет, разглядели тамгу и по тамге узнали, что Кара-батыр находится у туркменов; после этого, подготовив коней, собрав людей, они поехали. Старик, одарив туркменов большими подарками, вернулся в аул с сыном.

МУДРЕЦ ЛУКБАН

Некий монах, воображавший себя праведником, сказал на одном собрании мудрецу Лукбану:

— Грех, что вы лечите больных. Бог посылает смерть, несчастья, вы же ищите средства избавления от них, что, по моему разумению, есть сопротивление воле божьей.

Лукбан ответил:

— Если это верно, то принесите книгу, в которой написано так. И если это будет такая книга, словам которой можно верить, то я покаюсь и прекращу лечение.

Монах не читал тех слов, о которых он говорил, ни в одной книге, а поэтому не двинулся с места, чтобы принести книгу.

Собравшийся народ поднял шум:

---

[1] Кудай — бог.
[2] Баба-Тукты, Азис-Шашты — святые.

— Мудрец Лукбан утешил многих несчастных людей, он помогал сиротам, вдовам. Если ты считаешь его дела греховными, то докажи это по книге, а если не можешь доказать, то поведем тебя к казы.

Лукбан, видя, что дело принимает дурной оборот, попросил отпустить монаха. Вывел его на улицу и, оставшись с ним наедине, сказал ему:

— Монах, благодарим вас за то, что вы, желая спасти нас от грешных дел, по вашему разумению, дали мне совет. Однако я тоже хочу вам дать один совет: когда бы то ни было, прежде чем приступить к какому-либо делу, сначала заставляйте работать ваш ум. Когда же ваш ум придет к определенному выводу, тогда заставляйте работать глаза; и только после того, как ваш ум решит, а затем глаза, увидев возможность исполнения этого дела, подтвердят — лишь тогда давайте волю языку и рукам — это во-первых.

Во-вторых, из ваших слов видно, что вы недостаточно сведущий человек, ибо бог дал человеку разные части тела: дал руки для того, чтобы работать; глаза, чтобы видеть; ноги, чтобы ходить; уши, чтобы слышать. Дал разум, чтобы отличать хорошее от дурного. Если все это вы не будете употреблять по своему назначению, то выходит, что вы идете против воли божьей. И поэтому, не стоя, не сидя, не видя, не слыша,— нельзя молиться богу. Также и все неодушевленные предметы сотворены не без надобности. Одна трава сотворена ядом, другая — противоядием. И если вы не познаете и не изучите их, то это тоже будет грех; а если вы будете употреблять их в дело и на пользу, то в этом греха не должно быть.

ЩЕДРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Атымтай Щедрый [1], будучи сам очень богатым человеком, ежедневно надевал на себя ветхую одежду, возил сено, рубил дрова. Однажды близкие знакомые спросили его:

[1] Атымтай Щедрый — герой народных сказок, отличающийся мудростью, щедростью, благородством.

— Щедрый, бог дал вам богатство, вы даете людям деньги, пищу, голым — одежду, бездомным — кров и, несмотря на это, как последний бедняк рубите дрова, возите сено, подвергая себя лишениям... Одним словом, работаете. Какая тому причина?

Щедрый ответил:

— Тому имеются четыре причины: во-первых, если я всегда буду ездить на красивом коне, одеваться в дорогие одежды и привыкну к различным жизненным благам, то могу много возомнить о себе и с такой мыслью, боюсь, стану чуждаться стоящих ниже меня несчастных людей, перестану обращать внимание на нужды бедных и забуду оказывать им помощь.

Во-вторых, если я, имея достаток, буду трудиться, значит я убежден, что в этом нет ничего унизительного. И это останется, я думаю, примером для будущих поколений.

В-третьих, если я ежедневно, хотя бы незначительным трудом, заработаю одну-две копейки и на них куплю хлеба и поем, то это больше принесет мне пользы, так как трудом заработанная еда гораздо вкуснее и питательнее.

В-четвертых, если я посчитаю богом данное мне богатство лишь мне принадлежащим и не буду тратить его, куда следует, а большую часть буду проедать и расходовать на себя, то боюсь оказаться грешным перед хозяином, который дал мне богатство.

ИНДЕЕЦ

Один индеец, вернувшись домой, обнаружил, что у него кто-то украл мясо, которое он повесил вялить на дереве возле дома. Осмотрев место вокруг дерева, он пошел по улице и дорогой во весь голос спрашивал, не видал ли кто старого человека, небольшого роста, с коротким ружьем и маленькой собачкой с длинным пушистым хвостом.

Такого человека, оказалось, видели многие и, по указанию их, он поймал вора. Когда же односельчане спросили индейца, как он узнал приметы вора, он ответил:

— Что вор был человеком маленького роста, я узнал по тому, что когда он доставал мясо, то подставлял под ноги камень. Что он старик, я узнал по следу, так как шаг у него был очень короткий. Прежде чем взять мясо, вор прислонил ружье к дереву, и конец ствола оставил незначительную царапину на коре дерева. По высоте этой царапины и по следу, оставленному на земле концом ложа, я узнал, что у него ружье короткое. Что с вором была собака и что она была маленькая, а хвост у нее пушистый, я узнал по тому, что когда он крал мое мясо, то собака сидела в стороне и на песчаной почве остались следы ее лап и хвоста, которым она помахивала.

ВОРОНА И ЧЕРВЯК

Ворона, летая, увидела ползущего по земле червяка, схватила его в клюв и полетела дальше. Бедный червяк почувствовал, что дело его плохо, и говорит:

— Эй, ворона-богатырь, я знавал твоих отца и мать. Были они очень красивые птицы.

Вороне понравились такие слова, и она, не раскрывая клюва, издала носом звук:

— Угу!

— Братьев и сестер твоих знал,— продолжал червяк.

Ворона вновь издала звук:

— Угу!

— Однако все они не были красивее тебя,— сказал червяк. Тогда ворона, очень довольная, широко открыв клюв, каркнула:

— Ага!

Червяк упал на землю и так избавился от смерти.

ПОЛКАН

Когда мы учились, во дворе нашего учителя жила большая собака, которую звали Полкан.

Однажды мы смотрели в окно и увидели, как к

Полкану подбежала маленькая комнатная собачка и начала на него громко лаять, кидаться, прыгать и кусать его за лапы.

Тогда я сказал:

— Погоди, дождешься ты, моя собачка, что Полкан накажет тебя, если ты не перестанешь наскакивать на него.

Мы некоторое время продолжали смотреть на них. Полкан не двигался с места, не сердился и спокойно переносил наскоки и укусы маленькой собачки.

Обернувшись, я увидел нашего учителя, который стоял позади нас и слышал мои слова.

— Ты видишь,— сказал он, обращаясь ко мне,— у этого Полкана сердце добрее, чем у тебя. Если ты играешь с ребятами меньше себя, то в конце концов кого-нибудь из них доведешь до слез или обидишь. Полкан же, хотя и собака, но стыдится обижать тех, кто слабее его, и эту маленькую собачку не трогает.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

У одного царя заболела жена. Много врачей было приглашено. Все они лечили, но не могли вылечить больную. После этого царь собрал знахарей и гадальщиков и объявил им свою волю:

— Знахари и гадальщики, найдите такое лекарство, чтобы вылечить царицу. Если не найдете, то всех вас велю предать смерти — повесить.

И когда все знахари и гадальщики стояли напуганные и растерянные, один из них сказал, что он знает лекарство от болезни царицы. Его привели к царю. Гадальщик и говорит ему:

— Надо найти самого счастливого человека в мире, и если его рубашкой побить больную, то она выздоровеет.

Царь разослал по всему царству своих гонцов. Но сколько они ни искали, не могли найти счастливого человека. Если один богат и удачлив, то нет у него детей, а если есть богатство и дети, то или они не любят его, или же кто-нибудь ему причиняет неприятности, или же жена его или дети больны. И, наконец, если все

у человека имеется, то нет удовлетворения своим богатством, так как ему хочется иметь еще больше, и оттого, что он не удовлетворен, это причиняет ему много огорчений.

Потеряли надежду гонцы и прекратили было поиски, решив, что не найти счастливого человека. Но однажды царевич ехал по дороге и слышит, как один бедный человек подошел к развалившейся землянке и говорит:

— Сегодня я окончил работу, наелся и сыт. Теперь нет у меня никакого горя. Дай лягу и сосну.

Сказал, лег на кучу соломы возле землянки и тут же заснул.

Царевич все это слышал и дал знать царю, что он нашел счастливого человека. Обрадованный царь послал своих людей, чтобы того счастливого человека привести к нему. Когда же привели этого человека, и дали ему золота и серебра, и попросили его, чтобы он уступил свою рубашку, то оказалось, что на этом счастливом человеке и рубашки-то не было.

МУДРЫЙ СУДЬЯ

Царь Алжира Бауакас слышал, что в одном из городов его царства есть один справедливый судья, которого никто не может обмануть своими ложными показаниями, так как он находит, кто из тяжущихся прав, а кто не прав.

Чтобы узнать, правду ли ему говорили, Бауакас, одевшись купцом, поехал к этому судье. При въезде в город хромой нищий попросил у него милостыню. Бауакас подал ему милостыню и хотел было ехать дальше, но нищий уцепился за полу его одежды и не отпускал от себя.

— Разве я тебе не дал милостыню? Что тебе еще нужно от меня? — спросил Бауакас.

— Правда, милостыню ты подал, но сделай еще одно доброе дело — посади меня на лошадь сзади себя и довези до площади, а то я боюсь, как бы меня на базаре не задавил конь или верблюд,— сказал нищий.

Бауакас посадил нищего на лошадь, довез его до середины города, остановился там и попросил его

слезть. Нищий не слезал. Тогда Бауакас обернулся к нему и, повышая голос, сказал:

— Что же ты сидишь? Слезай, мы приехали на площадь.

— Зачем мне слезать? Лошадь моя, а если ты моего коня считаешь своим, то поедем к казы! — закричал нищий.

Собрался народ и слушал, как они спорили.

Все сказали:

— Поезжайте к казы, он найдет, кто из вас прав и кто не прав.

Бауакас и нищий приехал к казы... Смотрят — до них уже пришли к казы и другие тяжущиеся. Казы по очереди вызывал их и опрашивал. Вот вызвал он ученого и крестьянина. Они судились из-за жены. Ученый говорит, что это его жена, а крестьянин — что его жена. Казы выслушал их и сказал:

— Женщину оставьте здесь, сами приходите завтра.

После них очередь дошла до мясника и маслоторговца. У мясника вся одежда была в крови, а у маслоторговца — в масле. Мясник держал в руке деньги, а маслоторговец крепко держал руку мясника, в которой были деньги. На вопрос казы мясник ответил:

— Я у этого маслоторговца купил масла и вынул деньги, чтобы расплатиться, а он, намереваясь отобрать все деньги, схватил меня за руку, и после того, как не смог отобрать деньги силой, то как держал мою руку, так и привел меня к вам. Неправдой, говорит, а возьму у тебя деньги.

Маслоторговец в ответ на это сказал:

— Это неправда, казы. Мясник пришел ко мне купить масла, и я налил ему один ковш. Тогда он говорит мне: «Разменяй золотой». Я, чтобы разменять ему золотой, вынул мешочек с деньгами и только успел положить его на прилавок, как мясник схватил мешочек и хотел было бежать. Я поймал его за руку, задержал и привел к вам.

Казы выслушал их обоих и говорит:

— Деньги оставьте здесь, а сами приходите завтра.

Теперь очередь дошла до Бауакаса и нищего. Бауа-

кас рассказал все дело с начала до конца. Нищий же кричал:

— Он врет! Я верхом на лошади въезжал в город. Этот купец сидел на земле и попросил подвезти его в город. Я посадил его на коня, доставил в город и говорю ему:

— Слезай! — А он не слезает с лошади, говорит, что лошадь его,— и доставил мне хлопот.

Казы немного подумал и сказал:

— Коня оставьте здесь, а сами приходите завтра.

На следующий день много народу собралось выслушать приговоры казы. Первыми подошли ученый и крестьянин.

Казы сказал им:

— Жена — ученого, крестьянину дайте пятьдесят розог!

Тут же сделали, как было приказано: женщину отдали ученому, а крестьянину дали пятьдесят розог.

Вторыми подошли мясник и маслоторговец.

— Деньги твои, мясник,— сказал казы,— а маслоторговцу дайте пятьдесят розог!

Третьими подошли Бауакас и нищий.

Казы спросил у Бауакаса:

— Среди двадцати лошадей ты свою лошадь признал бы?

— Признал бы,— ответил Бауакас.

— А ты признал бы? — спросил казы у нищего.

— Признал бы,— ответил тоже нищий.

После этого казы приказал им обоим идти и привел их в конюшню.

В конюшню казы впустил сначала Бауакаса. Тот среди многих лошадей прямо подошел к своему коню и ухватился за него. Затем впустили нищего, и он тоже подошел к той же лошади.

После этого казы, заняв свое место, произнес такой приговор:

Лошадь, купец, твоя, а нищему дайте пятьдесят розог!

После вынесения приговоров казы отправился домой. Бауакас пошел следом за ним.

— Ты зачем за мной идешь? — спросил казы.— Или недоволен моим решением?

— Нет,— ответил Бауакас,— решением я доволен.

Однако мне хочется знать, как вы узнали, что женщина была женой ученого, деньги принадлежали мяснику, а лошадь была моя?

Казы ответил:

— Что женщина была женой ученого, я узнал так. Рано утром я вызвал ее к себе и приказал: «Налей в мою чернильницу чернил». Женщина быстро вымыла чернильницу, налила чернил — и делала все это так проворно, что стало ясно, что она имела дело с чернилами и чернильницей. Была бы она женой крестьянина, она в этом деле не имела бы такой сноровки. Так мне стало известно, что ученый говорил правду.

Про деньги я узнал вот так. Вчера я положил их в чашку с водой, а сегодня рано утром посмотрел, не плавает ли на воде масло. Масло не плавало. Из этого стало ясно, что маслоторговец говорил неправду, а мясник был прав. Если спросите почему, так я объясню: если бы деньги были маслоторговца, он, обращаясь с ними, вымазал бы их маслом, и с денег масло всплыло бы наверх. Про лошадь узнать было труднее — лошадь, которую вы признали, признал и нищий. Да я и не для того приводил вас обоих в конюшню, чтобы видеть, узнаете ли вы лошадь, а для того, чтобы видеть — кого лошадь из вас двоих узнает.

Когда вы подошли к лошади, она заржала и повернула голову к вам, а когда подошел нищий, она прижала уши, начала поднимать ногу. Из этого стало ясно, что лошадь была вашей,— закончил казы.

Тогда Бауакас сказал ему:

— Я не купец, а царь Бауакас. Я приехал удостовериться, правду ли говорили о той славе, которая идет про тебя. Теперь проси у меня, чего хочешь.

— Мне не надо награды. Такая похвала для меня достаточная награда,— ответил казы.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ

Несколько уважаемых людей, желая оказать помощь одной осиротевшей семье, собирали пожертвования, для чего посещали то тот, то другой дом и зашли к одному богатому человеку. Они услышали, как богач,

оставив их во дворе, сильно ругал работника за то, что тот забыл прибрать небольшой обрывок веревки.

Богач говорил ему:

— Ты не знаешь, это хотя и маленькая веревка, но она вещь, купленная за деньги, а заработать добро нелегко.

Путники, видевшие и слышавшие все это, начали совещаться между собой, как им поступить. Человек, который так сердится за то, что был забыт и оставлен на дороге какой-то обрывок веревки, едва ли пожертвует что-нибудь, и не лучше ли им, чем тратить слова понапрасну, вернуться назад той же дорогой. На это один возразил:

— Что мы теряем? Раз пришли, расскажем ему о нашем деле.

Решив так, они подошли к богачу, отдали салем. Бай вежливо пригласил их войти к нему. Затем, узнав по какому делу они пришли, тут же вынул и дал денег вдвое больше, чем другие, и сверх того обещал дать четыре-пять мешков хлеба.

Путники удивились такому его поступку и, немного посидев, рассказали ему, как они во дворе посчитали его за скупца. Тогда богач сказал:

— Оттого что я, не пренебрегая вещью, сколь бы она ни была мала, ценил ее и прибирал, я имею возможность бедным и немощным оказывать помощь. Бережливость не есть скупость.

ЗОЛОТОЙ ОРЕХ

Перед большим праздником, чтобы обрадовать своих детей, отец принес домой разные орехи.

Самая меньшая девочка Леночка, увидев среди принесенных орехов позолоченные, стала настойчиво просить, чтобы ей дали именно эти орехи.

— Орехи эти сделаны лишь для красоты, возьми вот те,— указала мать.

Леночка начала плакать:

— Я не возьму черные орехи. Дай мне орехи с золотой скорлупой. Зерна в них должны быть вкуснее, чем в других,— говорила она.

Мать подумала, что, пожалуй, не будет вреда в удовлетворении просьбы непослушной, капризной девочки и отдала ей орехи с позолоченной скорлупой, а остальным детям раздала другие орехи.

Леночка обрадовалась и тут же принялась разбивать свои орехи. Смотрит, ни в одном из них ядра нет, одни лишь пустые скорлупки. Сидящие рядом с ней другие дети начали подшучивать и смеяться над ней.

Тогда отец сказал:

— Эти орехи не для еды, а сделаны они для украшения. Я взял пустые скорлупки орехов и покрасил их золотой краской. В другой раз о вещах не суди по их внешнему виду, так как ценность вещи заключается в ее содержании.

КАК МОЖНО РАЗБОГАТЕТЬ

Один французский ученый писал:

— В 1791 году я был юношей и учился в университете. Еженедельно я ходил к матери, проживающей в городе Версале, и всегда видел на дороге нищего по имени Антон, выпрашивающего подаяние.

Однажды я шел своей обычной дорогой и встретился с худощавым человеком среднего роста. Так как он шел в том же направлении, что и я, то мы пошли вместе, и нам повстречался тот же нищий Антон. По своему обыкновению, он стал просить милостыню.

Спутник мой, посмотрев в лицо Антону, сказал ему:

— Антон, ты выглядишь умным человеком и, кажется, имеешь силу, чтобы работать; между тем ты подвергаешь себя такому унижению. Если хочешь быть богатым, я подам тебе совет. Я тоже был таким бедняком, как и ты, однако я не выпрашивал милостыни, как ты, а ходил из города в город и собирал в мусоре, в соломе или же выпрашивал у людей старое тряпье. Потом я продавал тряпье на бумажную фабрику, накопил таким образом немного денег и купил осла и тележку. Затем я начал ездить на тележке, собирать и покупать негодное в хозяйстве старое тряпье, а потом занялся торговлей. Трудясь таким образом, я через семь лет скопил десять тысяч франков. Зара-

ботав денег, я приобрел бумажную фабрику. Я был молод, деятелен и бережлив, не ленился, дело поставил хорошо и в настоящее время имею два больших каменных дома. Фабрику уступил сыну. Надеюсь, что и он не будет голодным и раздетым, потому что своего сына с малых лет я тоже учил не лениться и не слоняться без дела и внушал ему, чтобы он легким трудом не зарабатывал свой хлеб. Последуй моему примеру, Антон, и ты станешь так же богат, как и я,— сказал он и пошел дальше.

Выслушав эти слова, Антон остался стоять на месте и до того углубился в размышления, что даже забыл просить милостыню.

Проезжая в 1815 году через город Брюссель, я зашел в одну большую книжную лавку. В лавке мне показалось знакомым лицо купца, который давал различные распоряжения своим приказчикам.

Когда я находился в лавке, этот человек посмотрел пристально на меня, постоял в раздумье, а затем подошел и обратился ко мне со словами:

— Извините меня, я хочу спросить вас... Лет двадцать пять тому назад вы как будто бы учились и ежедневно ходили в Версаль всегда по одной и той же дороге?

Тогда я вспомнил и с удивлением воскликнул:

— Неужели это ты, Антон?!

— Да, отвечал купец,— я тот самый нищий Антон. Однажды, когда вы проходили с одним человеком, сказанные им слова глубоко запали мне в душу, и после этого я бросил нищенствовать и принялся за работу. Работать взялся крепко и относился бережливо к своему заработку. В конце концов сбылись слова того человека. Я теперь хозяин этой большой лавки.

КЛОЧОК ВАТЫ

Одна девочка-подросток чинила чапан своего отца. Мать подсела к ней и стала поучать ее:

— Дитя мое, из всевозможных предметов в мире нет таких, которые не были бы пригодны для чего-нибудь, и они зря валяться на земле не будут.

Когда мать говорила эти слова, девочка, закончив

починку одежды, поднялась и, собрав с пола мелкие клочки ваты, выбросила их на двор, сказав:

— Мама, эти мелкие клочки ваты, пожалуй, ни на что не будут годны.

— Дитя мое, эти клочки тоже зря не пропадут,— заметила мать.

Разговаривая с матерью, девочка вдруг посмотрела в окно. Она увидела, как ветер уносил клочки ваты и как один воробей погнался за маленьким клочком, схватил его в клюв и улетел.

— Мама, воробей унес клочок ваты. А что он с ним будет делать? — спросила девочка.

— Вот видишь, дитя, как тут же подтвердились мои слова. Воробей устилает ватой свое гнездо, чтобы его маленьким деткам было мягко,— ответила мать.

МУЖИК И ЦАРЕДВОРЕЦ

Мужик нашел в степи какой-то особенно красивый камень и спросил соседа, что делать ему с этим камнем.

— Неси к царю,— посоветовал сосед.

И вот мужик пришел во дворец, поклонился в ноги царедворцу и попросил устроить ему свидание с царем.

— Какое у тебя к нему дело? — спросил царедворец.

— Принес подарок царю,— ответил мужик.

— Если половину того, что тебе даст царь, отдашь мне, то могу устроить встречу, иначе не увидишь царя,— сказал царедворец.

Мужик согласился.

Царедворец доставил мужика к царю. Царь принял подарок и, поблагодарив мужика, дал ему тысячу рублей. А мужик упал на колени и говорит:

— Господин, не возьму я тысячу рублей, прикажи дать мне пятьдесят розог по спине.

Царь подумал, что этому, должно быть, есть какая-то причина; и велел стражникам бить мужика розгами по спине, но легонько, пятьдесят раз. Когда мужику дали двадцать пять розог, он и говорит:

— Довольно, будет с меня, остальные должен получить царедворец, так как половину царского подарка, в чем бы он ни заключался, я должен отдать ему.

Царь позвал царедворца и велел всыпать ему хороших двадцать пять розог. После этого царь, оставшись довольным хитростью мужика, велел выдать ему две тысячи рублей.

СОВЕТ МЫШИ

Мышь поучала наедине своего маленького мышонка, говоря, что на свете есть сильный злодей—человек. Он ставит деревянный капкан и сверху привязывает к нему маленький кусочек сала. Если подойдешь, чтобы полакомиться,— будешь пойман капканом.

Однажды, бегая и играя, этот мышонок почуял запах сала и, желая узнать, как могли положить здесь сало, издали стал смотреть в щелку и видит: лежит капкан, а сверху кусочек сала — точь-в-точь, как говорила мать. Он подумал: «Смотрите, какие люди дураки — сделали из дерева капкан, сверху на него положили сало и думают нас обмануть. Мы не поддадимся на эту хитрость».

Затем, бегая вокруг приманки, мышонок сказал:

— Ах, все-таки как хорошо пахнет это негодное сало. Я не намерен есть его, но можно же подойти немного поближе к нему, чтобы хоть понюхать его.

Сам же, между тем, стал все ближе и ближе подходить к салу. А в это время капкан вдруг с треском захлопнулся и придавил мышонка.

ОТЕЦ И СЫН

Отец, возвращаясь с десятилетним сыном с поля, увидел на дороге старую подкову и сказал сыну:

— Подними эту подкову.

— Зачем мне нужна старая, сломанная подкова? — ответил сын.

Отец ничего ему на это не сказал и, подняв подкову, пошел дальше.

Когда они дошли до окраины города, где работали кузнецы, отец продал эту подкову за три копейки.

Пройдя еще немного, они увидели торговцев, которые продавали вишни. Отец на те три копейки, что он выручил за подкову, купил у них много вишен, завернул их в платок, затем, не оглядываясь на сына, продолжал свой путь, изредка съедая по одной вишенке. Сын шел позади и смотрел с завистью на вишни. Когда они прошли немного, из рук отца выпала одна вишня. Сын быстро нагнулся, поднял ее и съел.

Спустя некоторое время отец уронил еще одну вишню, а затем другую, и стал ронять по одной вишне, продолжая свой путь.

Сын не менее десяти раз нагибался, поднимал и ел оброненные вишни. Наконец отец остановился и, отдавая сыну платок с вишнями, сказал:

— Вот видишь, ты поленился один раз нагнуться, чтобы поднять старую подкову, а после ты нагибался десять раз, чтобы поднимать те самые вишни, которые были куплены на эту подкову. Впредь помни и не забывай, если будешь считать легкий труд тяжелым, то встретишься с более тяжелой работой; если не будешь доволен малым, то лишишься большого.

ПОЛЬЗА ЗНАНИЯ

Один старый кузнец работал день и ночь не отдыхая. По соседству с ним проживал богач Браун, сын которого, играя, ради забавы каждый день заходил к кузнецу и смотрел, как тот кует железо.

Однажды кузнец говорит барчуку:

— Сударь, чем глядеть, лучше бы ты научился гвозди ковать. Кто его знает, быть может, когда-нибудь тебе понадобится знание и этого ремесла.

Мальчик от нечего делать каждый день, ради забавы, стал ковать гвозди и через некоторое время хорошо научился выковывать их.

Спустя много лет на страну напали враги. Все имущество Брауна было разграблено, и ему пришлось бежать с женой и детьми.

В то время, когда они бродили в одном городе, испытывая недостаток в пище и одежде, городской голова издал приказ о том, что войску требуется много сапог,

а в ближайших городах иссякли запасы сапожных гвоздей, поэтому предлагалось ковать их. Тогда Браун, выучившийся, будучи мальчиком, ковать гвозди, объявил государственным сапожным мастерским:

— Если требуются в большом количестве сапожные гвозди, то я возьму подряд на изготовление их.

Когда же сапожники посмотрели изготовленные Брауном гвозди, то они им понравились. И Браун, взяв подряд, заработал много денег и до конца дней своих прожил, говорят, ни в чем не нуждаясь.

САДОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Рано утром, в погожий летний день, один господин со своим сыном прогуливались в саду. Они осматривали посаженные цветы и деревья.

— Почему это дерево растет прямо, а вот то дерево растет почему-то криво? — спросил сын.

— Причина, сын мой, та, что за этим деревом при его росте ухаживали, срезали криво растущие ветки, а за тем деревом не было ухода, и оно росло само по себе,— ответил отец.

— Если так, то, оказывается, большая польза бывает от ухода,— сказал сын.

— Нет сомнения, милый мой, в том, что в уходе есть большая польза,— ответил отец.— Это и тебе может послужить наукой. Ты ведь тоже похож на молодое дерево, за тобой нужен уход. Если я, поправляя твои ошибки, буду тебя учить хорошему, а ты, слушаясь меня, будешь исполнять мои советы, то ты будешь расти правдивым, хорошим человеком; если же ты будешь расти без присмотра, то тоже будешь похож на это кривое дерево,— закончил отец.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

К окну казы Хусаина подошли двое оборванных нищих и стали умолять:

— Подайте милостыню, ради бога.

— Бог подаст, идите,— ответил казы.

— Подайте ради пророка.

— Эй, нищие, не морочьте мне голову, идите! — сказал казы и, рассердившись, бросил на пол книгу, которую читал.

— Ах, казы, ради нашей нужды, дайте чего-нибудь,— просили нищие.

Тогда рассерженный казы порывисто поднялся с места, позвал своих слуг, чтобы они отвели и бросили нищих в подземелье.

Однако нищие тотчас же быстро скрылись.

Через три дня после этого у казы собралось много гостей и началось пиршество. Дом казы блистал золотом и дорогой обстановкой. Сам он сидел возле того же самого окна и, разговаривая с муфтием, смотрел на Багдад. В это время к окну опять подошли те же двое нищих.

— Поздравляем вас по случаю праздника, судья. Подайте же нам чего-нибудь в честь вашего праздника,— просили нищие, не отходя от окна.

Тогда казы говорит рядом сидящему муфтию:

— Эти двое бродяг второй раз приходят и надоедают мне. Благородный халиф таких не велит наказывать. Все же на этот раз, хотя и нет такого приказа, велю этих двух изловить, заковать в кандалы и посадить. Пусть они не бродяжничают и не портят красивый вид несравненного города Багдада.

Сказал и позвал своих слуг.

В это время нищие вошли в дом, сбросили с себя ветхие одежды. И один из них строгим голосом закричал:

— Казы! Когда я тебя назначал судьей, то надеялся, что ты будешь судьей справедливым, одинаково будешь относиться и к богатым и к бедным. Однако я вижу, что ошибся, и раскаиваюсь. Жапар! Забери этого негодного старика и справедливо накажи. Пусть мой народ увидит и узнает, что гнев халифа везде может настигнуть провинившегося и что рано или поздно дурные дела становятся известными халифу. И если они становятся ему известными, то, невзирая на то, большой или малый пост занимает виновный, он будет наказан.

Собравшиеся гости узнали пришедших и пали ниц. Это, приняв вид нищих, пришли халиф Гарун-аль-Рашид и его визирь Жапар.

ЧУВСТВО ЖАЛОСТИ СИЛЬНЕЕ БОЛИ

Сеит бежал по улице. Его нечаянно задело телегой. Он упал со сломанной ногой и начал громко кричать и плакать.

Мать поспешила к сыну и от испуга упала в обморок. Сеит увидел это. Он тотчас же перестал кричать, и даже, когда ему вправляли и перевязывали сломанную ногу, он не только не плакал, но и виду не подавал, что ему больно.

Костоправ спросил его:

— Разве тебе не больно? Ты даже не поморщился.

Когда мать вышла из комнаты, Сеит, оправившись немного, шопотом ответил костоправу:

— Не только больно, но и сердце сжимается. Если же мать увидит, что мне очень больно, она будет страдать и мучиться, только поэтому я терплю.

НЕРЯШЛИВОСТЬ

Мишар[1] по имени Керим, хотя и был хорошим джигитом в работе, но не имел привычки мыться, носить чистую рубашку, быть опрятным.

Когда же говорили ему:

— Что с тобой, Керим? Почему ты ходишь грязным? Ты бы помылся,— он всегда отвечал:

— Некогда мне.

Так он и ходил. Но однажды тело его покрылось нарывами, коростой. Когда он лежал в таком состоянии, корчась от боли, и его спрашивали:

— Керим, что с тобой?

Керим обыкновенно отвечал:

— Бог наказал за мои грехи.

Знакомые возражали ему на это:

— Правда, Керим, бог не любит нечистоплотных, грязных людей, однако, если бы ты взял себе в привычку хотя бы раз в неделю ходить в баню или же мыться дома с мылом, тогда не постигла бы тебя такая беда.

---

[1] Мишары — волжские татары, язык которых несколько отличается от языка казанских татар.

В конце концов Керима отвезли в больницу, где его вымыли, одели в чистое и лечили. Много ли, мало ли пролежал он, но вылечился. По выходе из больницы Керим нанялся работать на один из заводов. Вы, наверное, знаете, что на заводе некоторые краски, которыми окрашивают предметы, бывают ядовиты. Однажды хозяин дал Кериму какую-то краску и велел размешивать ее. Мешал, мешал Керим и, по своей привычке, не помыв руки, сел и начал есть хлеб, а вся краска, которая осталась на его руках, пристала к хлебу, который он ел. И вдруг у Керима заболел живот. Он упал, стал корчиться, проболев немного времени, умер. Краска оказалась ядовитой.

ВРЕД ЛЖИ

Три человека на охоте за целый день убили только одну утку-чирка. Вечером, расположившись на ночлег, они повели такой разговор:

— Этой уткой мы трое не наедимся, а одному есть неудобно.

Один из трех охотников был хитрым джигитом. Он и говорит:

— Я нашел выход. Давайте сварим утку, накроем ее, все трое ляжем спать, и кому из нас приснится хороший сон, пусть тот и ест утку.

Так решив, они сварили утку, накрыли ее, а сами легли спать. Хитрец, поднявшись ночью, съел утку, накрыл тарелку так же, как она была накрыта раньше.

Утром хитрец, поднявшись вместе с товарищами, спрашивает:

— Кто какой сон видел?

— Я ночью на белом коне в золотой короне летал по небу,— говорит один.

— Я был в раю, и мне прислуживали гурии,— говорит другой.

— То, что вы оба рассказываете, правда. Я во сне видел вас, и когда один из вас, став царем, улетел на небо, а другой отправился в рай, я подумал, что вы не вернетесь назад из-за какой-то утки-чирка и съел ее,— сказал хитрец.

ЗОЛОТОЙ ЧУБ

(Сказка)

Жил некогда один хан и было у него двенадцать жен, но ни у одной из них не было детей.

Однажды хан собрался в дорогу и спрашивает своих жен:

— Какой подарок вы мне приготовите к моему приезду?

Старшая жена отвечает:

— К твоему приезду я велю построить золотые чертоги.

А самая младшая жена сказала:

— К твоему приезду родятся сын и дочь. Имя мальчика будет Золотой чуб.

После этого хан уехал в далекий путь, пробыл в отсутствии два-три года и вернулся домой.

К тому времени его старшая жена построила дворец, младшая же родила мальчика с золотым чубом и девочку. Однако старшая жена из зависти пригласила старуху-колдунью, украла с ее помощью детей, велела бросить их в колодец, а к матери положить двух щенят. Мать же она обвинила в том, что та родила щенят. Бедная мать поплакала и поневоле подчинилась своей участи. Хан приехал, поверил клевете и велел прогнать младшую жену.

В то время, когда дети падали в колодец, ангел в образе птицы подлетел, подхватил детей, улетел с ними в город и передал их одной старушке, проживающей на окраине города.

У этой старушки не было ни сына, ни дочери. Оба ребенка жили у нее три-четыре года. Вскоре старушка умерла. Мальчик, когда подрос, стал стрелять из лука коз и куланов. Мясо их дети употребляли в пищу, а в шкуры одевались. Затем они нашли в горе пещеру, приспособили ее под жилье и поселились там.

О том, что дети живы, стало известно старшей жене хана, которая причинила им зло и несчастье. И она снова послала ту же старуху-колдунью, приказав ей убить мальчика с золотым чубом.

Когда старуха-колдунья в поисках ребят пришла к пещере, то мальчика не застала. Он был на охоте. Сестра же была дома. Старуха-колдунья и говорит ей:

— Скажи брату, что в той стороне живет Угрюм-хан [1]. У него есть кобыла, которая приносит каждый день по жеребенку, и жеребята эти — аргамаки-тулпары [2].

Сказала так и ушла.

Старуха-колдунья думала таким образом погубить мальчика, так как, кто пускался на поиски этой кобылы, погибал, заблудившись в дороге.

Вечером, когда пришел брат, сестра рассказала ему все, что говорила ей старуха. Услышав об этом, брат отправился в путь искать кобылу.

По дороге ему встретилась большая река. Человек, который осмеливался переплывать ее, тонул. Когда Золотой Чуб переправился на другой берег, дочь одной пери подняла волны и ухватилась было за лодку, чтобы опрокинуть ее, но Золотой Чуб схватил ее за руки, снял кольцо, браслет, взял их себе и, благополучно переправившись через реку, продолжая свой путь, доехал до Угрюм-хана.

У Угрюм-хана в то время начала жеребиться кобыла. И Золотой Чуб говорит Угрюм-хану:

— Господин, если позволите, то я возьму вашего жеребенка.

Угрюм-хан ответил:

— Возьми.

Родившихся жеребят никто не мог взять, потому что, как только жеребенок родится, дочь пери уносила его. Мальчик стал караулить; как только кобыла принесла жеребенка, дочь пери, появившись в виде облака, хотела было унести его, но Золотой Чуб замахнулся мечом, и она, оставив башмаки и жеребенка, улетела.

Золотой Чуб пришел к хану, показал ему башмаки и жеребенка. Хан благословил его. Мальчик благополучно вернулся домой, отдал сестре башмаки, кольцо, браслет и жеребенка, а сам пошел на охоту.

Спустя некоторое время опять приходит та же старуха-колдунья. Увидела кольцо, жеребенка и говорит сестре:

---

[1] Угрюм-хан — несмеющийся хан, герой сказок.

[2] Тулпар — крылатый конь.

— Вот видишь, я желаю вам добра. Брат принес тебе кольцо, а теперь пошли его в другое место — пусть он принесет оттуда золотой сундук.

Сказала эти слова старуха-колдунья и ушла.

Когда брат вернулся, сестра говорит ему, что есть где-то золотой сундук и чтобы он принес его. Брат сел на своего жеребенка-тулпара и поехал.

По дороге встретил он старуху, которая латала трещины в земле. Подъехав к ней, он спросил:

— Бабушка, что ты делаешь?

А старуха отвечает:

— Я латаю эту трещину в земле. Если спросишь зачем, то я скажу тебе, что сюда приезжают такие же богатыри, как ты, лезут сюда в трещину из-за какого-то сундука и погибают там.

Тогда мальчик говорит:

— Мне тоже нужен сундук.

И, подойдя к трещине, спустился в нее. Под землей появилась перед ним пери и закричала:

— Низенький камень, если ты дома, то отзовись!

Лишь только она прокричала эти слова, как мальчик Золотой Чуб, превратившись в камень, замер на месте. Его крылатый конь ждал день, ждал два и, не дождавшись, вернулся домой и заплакал. Девушка догадалась, что брат погиб, села на тулпара и приехала к старухе, которая все еще продолжала латать трещину в земле. Старуха сказала ей:

— Брат твой погиб. Не спускайся в трещину, если же спустишься, то и ты погибнешь.

— Я готова умереть, но перед смертью желаю видеть брата, хотя бы мертвого,— ответила сестра.

Тогда старуха посоветовала ей:

— Ты иди туда и в слезах причитай: «На земле я, горемычная, под землей ты, горемычный».

Когда девушка, причитая так, стала спускаться под землю, ее встретила дочь пери и спросила, о чем она горюет, пожалела и оживила брата.

Выйдя на поверхность земли, брат и сестра доехали до густого леса. Оставив коня и сестру на опушке леса, Золотой Чуб отправился в чащу. Так, идя по ле-

су, он добрался до белой Малой юрты [1], вошел в нее и сел. Когда он там сидел, прилетели две дочери пери и уселись на верх юрты. Одна из них говорит:

— Ой, однажды я сильно испугалась. Если спросишь отчего, то скажу тебе. Это было на реке. Когда я пыталась перевернуть лодку, у меня джигит отобрал кольцо. Если бы увидела его снова, то стала бы его женой.

А другая, младшая, сказала:

— И я тоже один раз испугалась. Если спросишь отчего, скажу. Я имела обыкновение у одного хана ежедневно уносить жеребенка. Когда однажды я прилетела туда, один джигит подкараулил меня, и только я хотела было унести жеребенка, как он отобрал его у меня. Если бы я нашла этого парня, то сделалась бы его женой.

И только она успела кончить рассказ, как обе пери услышали в ответ:

— Вот я тот самый джигит, женами которого вы хотите быть.

Это крикнул, поднявшись с места, Золотой Чуб.

После этого обе девушки вышли за него замуж. Он же девиц вместе с их юртой перенес на опушку леса, где оставались его сестра и конь. Затем они все вместе приехали на старое место. На том месте они еще прожили четыре-пять лет.

Проходил день за днем. Золотой Чуб каждый день отправлялся на охоту. Однажды во время охоты встретился ему человек, с которым он стал охотиться вдвоем. Когда они вместе охотились, появилось перед ними крупное животное и пошло спокойным шагом. Лишь только Золотой Чуб вместе с напарником собрались было выстрелить, как оно заговорило вдруг, обращаясь к товарищу Золотого Чуба:

— Вот это твой сын!

И, обращаясь к Золотому Чубу:

— Вот твой отец. Вас разлучила старуха!

Животное сказало это и исчезло. Отец и сын, узнав друг друга, обнялись и заплакали. Отец позвал сына

---

[1] Малая юрта ставилась при отделении сына или выдаче замуж дочери. Она была меньших размеров, чем отцовская, которая называлась Большой юртой.

к себе в гости. Он велел привести старшую жену и старуху-колдунью и приказал их казнить. Затем велел найти самую младшую жену, которую он прогнал и которая теперь где-то бродяжничала, выпрашивая милостыню. Когда ее привели к нему, он снова стал жить с ней. Золотой Чуб стал ханом. Затем привезли его сестру и двух жен.

Когда собрались все вместе, то устроили большой пир, конские скачки. И потом стали счастливо жить, и все желания их исполнялись.

ПАУК, МУРАВЕЙ И ЛАСТОЧКА

Отец и его десятилетний сын шли по полю. Отец спросил сына:

— Видишь, вон ползет паук. Что он делает?

— Он плетет свою паутину.

— А вон муравей, видишь?

— Вижу, он бежит с крошкой во рту.

— Посмотри вверх, кого вверху ты видишь?

— Вверху летит ласточка и в клюве держит травинку.

Тогда отец говорит сыну:

— Вот так, милый мой, эти маленькие существа могут служить для тебя примером. Паук расставляет паутину, ловит в нее комаров и мух и употребляет их в пищу. Муравей бегает и ищет пищу для своих детей. Найдя крошку, он не съест ее, а с радостью бежит с ней домой. Ласточка, чтобы устроить гнездо для своих птенцов, собирает травку.

Нет ни одной живой души, которая не трудилась бы, и ты создан богом не для того, чтобы бездельничать. Нужно привыкать к труду.

СМЕТЛИВОСТЬ МАЛЬЧИКА

Один ученый шел по дороге в безлюдной степи, споткнулся о камень и подумал: «Этот камень может принести вред людям, лучше его отбросить в сторону».

Поднял он камень, а под ним лежит маленький сундучок. Когда он открыл сундучок, из него вылезла

змея и бросилась на ученого, намереваясь его ужалить. Тогда ученый говорит ей:

— Я тебя освободил из плена, из темного и тесного места. Разве за добро платят злом?

— Да,— ответила змея.

— Спросим кого-нибудь, так ли это. Если правда будет на твоей стороне, то можешь меня ужалить,— сказал ученый.

Змея согласилась с этим предложением. Так они пошли вдвоём и встретились с верблюдом. Они рассказали ему о своем деле. Верблюд выслушал и говорит им:

— Да, за добро платят злом. Если спросите почему, то скажу вам, что сколько я ни перевозил за свою жизнь грузов и имущества человека, человек всегда кладет на меня непосильно тяжелый груз, а если я не могу идти, то бьет и мучает меня.

Змея, услышав это, обернулась один раз вокруг шеи ученого.

После этого они подошли к фруктовому дереву и попросили рассудить их. Дерево ответило им:

— За добро платят злом. Если спросите почему, то скажу, что как бы много ни пользовались люди моими плодами, употребляя их в пищу, однако они не снимают фрукты руками, не причиняя мне боли, а бьют по стволу, заставляя ронять фрукты.

Змея обвила шею ученого второй раз.

Затем они встретились с собакой, которая сказала:

— За добро платят злом. Сколько я днем и ночью, без сна, ни оберегала человека, его скот и имущество, и сколько ни работала на него, но в конце концов, когда я стала старой и больной, он меня побил палкой и выгнал со двора.

Змея, еще раз обернувшись вокруг шеи ученого, собралась было ужалить его, а ученый говорит ей:

— Пойдем еще раз к кому-нибудь и попросим рассудить нас, и если он решит в твою пользу, тогда можешь ужалить меня.

И они подошли к группе играющих мальчиков. Один из них поздоровался с ученым. Ученый, ответив на его приветствие, рассказал ему о случившемся. Мальчик выслушал ученого до конца и сказал:

— Э, дедушка, неправду говорите. Кто же может

поверить, что в этом маленьком сундучке могла поместиться такая большая змея, которая даже три раза обернулась вокруг вашей шеи?

— Все это правда,— ответила змея.

Мальчик, однако, отказывался верить и сказал, что такому рассказу ни один человек не поверит, если не увидит этого своими глазами. Тогда змея, желая убедить мальчика, извиваясь, вползла в сундучок и улеглась в нем. Как только она это сделала, мальчик с треском захлопнул крышку сундучка, запер его и, передавая ученому, сказал:

— Отнесите и положите этот сундучок на то место, откуда вы его взяли.

ЧИСТЫЙ РОДНИК

Три путника встретились у одного родника.

Родник вытекал из каменистого места. Вокруг него рос густой лес, ветви и листья которого затеняли родник. Вода в роднике была чистая, холодная, как лед, и блестела, как стекло. На то место, откуда вытекала вода, кто-то положил камень с котел величиной, просверлил его и обтесал, и в том месте, где стекала вода, высек надпись: «Эй, путник, будь чистым, как этот родник». Когда три путешественника, напившись вдоволь воды, прочитали надпись, то один из них, по-видимому купец, сказал:

— Умные слова здесь высечены. Ручеек от родника бежит днем и ночью, не переставая, и протекает в дальние земли; и чем дальше течет, тем все больше вливается в него ручейков. Так, протекая, превращается он в большую реку. Из этого следует такой вывод: «Ты, человек, тоже, не переставая, работай, никогда не останавливайся и не предавайся лени; если будешь поступать так, то в конце концов будешь великим и достигнешь цели».

Второй путник был бедным муллой; он, качая головой, сказал:

— Нет, я думаю, не так. Смысл этой надписи куда более значительный, чем вы предполагаете. Этот родник готов для всякого: кто изнывает от жары, тому он

дает прохладу и душе — усладу, кто хочет пить, тому утоляет жажду,— и за все это он ни от кого не ждет награды. А если так, смысл этой надписи таков: если делаешь кому добро, то не возлагай на него обязанность ответить тем же. Вот о чем говорит эта надпись.

Третий путник, очень стройный, красивый юноша стоял молча. Товарищи спросили его, как он думает.

Юноша ответил:

— Я думаю иначе. Если бы вода в этом роднике стояла спокойно на одном месте, то травы и мусор, попадая в нее, замутили бы и загрязнили ее; тогда люди и животные не так любили бы родник. Но так как родник течет беспрестанно днем и ночью, то он очищается и за это его все любят. Если так,то смысл надписи такой: душу и тело храни в чистоте, как этот родник, ибо когда смотришь в него, то видишь, как в нем отражаются блеск солнца и отсветы травы, если они глядятся в него; поэтому душу, как этот родник, держи открытой для всех,— пусть в ней видно будет всё. Вот о чем, по-моему, говорит надпись.

—•—

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *О. Поповиченко.* Художник *Б. Табылдиев.* Худож. редактор *А. Таменов.* Технич. редактор *Б. Турабаев.* Корректор *Н. Огнева.* Сдано в набор 7/VII-1971 г. Подписано к печати 27/IX-1971 г. Бумага типогр. № 1, 84×108[1]/32 — 1,75 п. л.=2,94 усл. п. л. (уч.-изд. л. 3,3). Тираж 109 000 экз. Цена 10 коп. Издат. № 557. Заказ № 1094. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

10 к.